

Несмотря на то, что авторы фактически признают существование особого аваро-андо-цезского уровня, который они часто называют «западнодагестанским» и соотносят с этим уровнем целый ряд важных совместных инноваций, практически они предпочитают учитывать в соответствиях для восточнокавказского более «молодой» уровень — аваро-андийский — и рассматривать его вместе с цезским как независимые таксоны генеалогической классификации. Такая же структура хронологических уровней была принята и в работе одного из авторов этих строк, посвященной сравнительно-исторической морфологии дагестанских языков [30].

Выдающаяся заслуга в восстановлении праандийской и праавароандийской (ПАА) фонологической системы принадлежит Т. Е. Гудава [12]. Авторы в целом принимают его реконструкцию, внося в нее лишь некоторые коррективы. Наиболее важный вклад С. Л. Николаева и С. А. Старостина заключается в реконструкции ПАА системы ларингалов, а также сочетаний сонорных и ларингалов. Авторы первыми обратили серьезное внимание на регулярные соотношения в исходе основ в андийских языках, когда интервокальный ларингал (иногда с назализацией предшествующей гласной) в одном языке может соответствовать интервокальному сонорному (также иногда с назализацией предшествующей гласной), а иногда — стяженному долговому гласному в другом языке, например (27) ав. ɕ:ap , чам. ɕã , тинд. c:ã , кар. ɕ:ãj , бутл. c:ã'i «соль»; (28) ав. c:*ar , чам. ɕã , тинд. c:ar , кар. c:*aj , бутл. c:aj «звезда» и многие другие примеры аналогичного рода. Авторы делают важнейший вывод, что такие соответствия восходят на ПАА уровне к сочетаниям «сонорный + ларингал», причем эти сочетания могли регулярно давать в одних языках сонорные, в других — ларингалы, так что, например, для (27) предлагается ПАА *ɕ:op'i , а для (28) — *c:*arhi . Реконструкция полной системы сочетаний сонорных с ларингалами для ПАА представляет собой удивительно смелый и остроумный *coup de maître*, сразу обеспечивающий единообразное и красивое объяснение для большой группы разнородных явлений. Риск такой реконструкции заключается в том, что в реально засвидетельствованных восточнокавказских языках сочетания сонорных с ларингалом встречаются редко и при этом не образуют полной системы, например, в бацбийском, даргинском или в южных аварских диалектах, где кластер $-l'$ отражает в интервокальной позиции ПАА $-* \lambda -$, ср. $\text{*be } \lambda \text{ er}$ > лит. авар. betər , андалал. bel'er «голова». Восстановление системы сочетаний сонорных с ларингалами в ПАА имеет большое значение для реконструкции сочетаний согласных на более глубоком (ПВК) хронологическом уровне, так как они регулярно соответствуют, например, «сильным сонорным» в пралезгинском, о которых см. ниже.

Некоторые регулярные звуковые соответствия между цезскими языками были отмечены уже Е. А. Бокаревым, однако никаких попыток реконструкции працезской (ПЦ) фонологической системы или каких-то ее фрагментов им не предпринималось [31]. В литературе имеется одно монографическое исследование по сравнительно-исторической фонетике цезских языков — посмертно изданная монография Т. Е. Гудава [13]. Основным предположением Т. Е. Гудава было то, что более простой цезский консонантизм выводится из более сложной аваро-андийской системы, реконструированной им в его предыдущих работах. Отсюда следовало логически, что ПАА система совпадала с прааваро-андо-цезской. Так, автор полагал, что прааваро-андо-цезские сильные спиранты дали в цезском простые спиранты, а прааваро-андо-цезские слабые спиранты озвончились; сильные и слабые глухие аффрикаты дали простые спиранты; простые абруптивные аффрикаты сохранились без изменения, а сильные подверглись дезабруптивации.

Несмотря на то, что открытые Т. Е. Гудава соответствия действительно имеют место между ПАА и ПЦ, само его исходное предположение, как показали С. Л. Николаев и С. А. Старостин, не вполне справедливо: цезский консонантизм из аваро-андийского выводится лишь частично. Проиллюстрируем это примерами (29—34): (29) авар. nisu , анд. iso , тинд. insa — цез. izu , гин. ižu , бжт. õzo «сыр»; (30) ав. sa'an (анцух. д-т šam) — цез. mešahu , гин. mešahu «мята»; (31)